
ПОСЛЕДНИЙ
ОТСЧЁТ
САПАР

Сапар .

Последний отчёт

«Автор»
2026

. С.

Последний отчёт / С. . — «Автор», 2026

Мир, в котором всё подчинено системе, кажется идеальным. Здесь просчитан каждый шаг, контролируется каждая жизнь, а прошлое можно скрыть за безупречными стенами секретных объектов.Но за порядком скрывается страшная правда.Объекты 17 и 18 хранят тайну, способную изменить судьбу человечества. Люди становятся частью чужого эксперимента, память и свобода превращаются в инструменты управления, а цена неповиновения оказывается выше, чем кто-либо мог представить.Чтобы освободить людей, придётся бросить вызов самому центру власти. Но что произойдёт, когда контроль исчезнет? И готово ли человечество жить без тех, кто решал за него? Иногда для спасения мира недостаточно победить врага. Нужно решиться разрушить то, что удерживало этот мир от гибели.**Обратный отсчёт уже начался. И на этот раз время работает против всех.***«Последний отсчёт» — фантастический роман о свободе, человеческом выборе, любви, доверии и цене, которую приходится платить за право быть собой.*

© . С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний день без долгов 6
Глава 2. Внешнее кольцо 9
Глава 3. Неизвестный пассажир 13
Глава 4. Первый центр 16
Глава 5. Обратный отсчёт 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Сапар .
Последний отчёт

ПОСЛЕДНИЙ ОТСЧЁТ
Сапар

Глава 1. Последний день без долгов

В этом мире никто не спрашивал, сколько тебе лет. Спрашивали, сколько времени осталось. Возраст давно перестал быть мерой прожитого: его заменил баланс, который можно было увидеть на запястье каждого взрослого человека.

На улицах висели огромные электронные табло. Они показывали курс времени, стоимость одного часа и количество лет, доступных для покупки в Центральном банке. Цифры обновлялись чаще, чем прогноз погоды. В дни биржевых скачков люди просыпались богаче или беднее, хотя за ночь не меняли ни работы, ни дома, ни привычек.

Для богатых время было таким же товаром, как квартиры, автомобили и дорогие украшения. Они покупали десятилетия, продлевали жизнь и могли позволить себе не думать о завтрашнем дне. Их браслеты светились спокойным зелёным цветом. В нижних секторах чаще горел жёлтый, а иногда — красный: предупреждение, которое невозможно было не заметить.

Для остальных каждый час имел цену. Его отдавали за аренду, за лекарства, за еду, за право не быть выселенным из комнаты. В официальных брошюрах это называли свободным обменом. Никто не писал, что человек, которому нечего продать, однажды начинает продавать самого себя — по минутам.

Арчи исполнилось двадцать семь. Он жил в нижнем секторе города, в доме с узкими лестницами и окнами, выходившими на технический двор. По утрам в вентиляции гудели насосы, а по вечерам стены отдавали накопленное за день тепло. Квартира была маленькой: кровать, стол, два стула и полка, на которой лежали вещи, оставшиеся от родителей. Он не называл это бедностью. Просто так выглядела жизнь большинства людей, которых он знал.

Работал Арчи на сортировочной станции Центрального банка. Через его руки проходили заявки на перевод времени, подтверждения сделок и спорные платежи. Он не видел самих лет — только строки, коды и суммы. Иногда система показывала, что человек продал три месяца, а иногда — что у него списали последние часы за просроченный долг. В инструкции было сказано не задавать вопросов. Арчи старался следовать ей, хотя некоторые записи потом долго вспоминались по ночам.

Утром его браслет завибрировал. Он ещё не успел встать, а уведомление уже появилось на маленьком экране: «Ваш остаток времени: 11 лет, 4 месяца, 6 дней. Рекомендуем пополнить баланс». Арчи посмотрел на цифры, как смотрел на них каждое утро, и усмехнулся.

— Спасибо за заботу, — пробормотал он и выключил экран.

Одиннадцать лет звучали внушительно только для тех, кто не знал цены. После оплаты жилья, питания и обязательных сборов его баланс почти не рос. Он мог бы взять кредит времени, но тогда пришлось бы отдавать будущую зарплату ещё до того, как она появится. Арчи видел такие договоры на станции: мелкий шрифт, длинные сроки и проценты, которые списывались не с денег, а с жизни.

Перед выходом он задержался у полки. На ней стояла старая фотография: двое взрослых и маленький мальчик между ними. Края снимка выцвели, лица сохранились не полностью. Арчи знал, что это его родители, но воспоминания о них были неровными, словно кто-то вырезал из детства несколько важных кадров. Мать он помнил голосом и теплом ладони. Отца — высоким силуэтом у двери и коротким обещанием вернуться.

На станции всё шло как обычно. Люди сдавали часть своего времени в обмен на деньги, другие покупали дополнительные часы. Кто-то приходил с надеждой прожить ещё неделю, кто-то спокойно приобретал сразу несколько лет. У окна номер три женщина спорила с оператором из-за списания, а в соседней очереди мужчина держал за руку девочку, которая всё время поглядывала на его красный браслет.

Арчи старался не смотреть им в глаза. Он знал: если начнёшь вслушиваться в каждую историю, однажды не сможешь нажать кнопку подтверждения. А работа состояла именно из этого — нажимать, сверять, пропускать дальше.

В обед к нему подошёл пожилой мужчина. Одежда была чистой, но сильно изношенной. На запястье мигал красный индикатор, а пальцы то и дело касались застёжки браслета, будто старик надеялся, что от этого появится новое сообщение.

— Молодой человек, подскажите, где здесь можно проверить перевод времени? — спросил он.

— В третьем окне. Там проверяют входящие операции.

— Спасибо. Мне сказали, что сегодня поступит перевод от сына. Он давно уехал в верхний сектор. Обещал прислать достаточно, чтобы я закрыл долг и перестал получать эти предупреждения.

Арчи хотел сказать, что обещания не отображаются в банковской системе, но промолчал. Старик говорил не с ним — скорее, с собственной надеждой.

Через несколько минут мужчина прошёл обратно. Индикатор на его браслете погас, но зелёным не загорелся. Это означало, что перевод не пришёл, а срок отсрочки закончился.

— Не поступило? — спросил Арчи.

Старик покачал головой.

— Наверное, занят. Ничего. Подожду.

Он произнёс это спокойно, но Арчи заметил, как дрожат его пальцы. Старик отошёл к выходу, остановился возле табло с курсом и долго смотрел на цифры. Потом поправил рукав, закрывая красный свет, и исчез в потоке людей.

Арчи вернулся к терминалу. В очереди на подтверждение осталась одна заявка — списание семи месяцев у человека, который не пришёл лично. Основание: просроченная задолженность. В графе согласия стояла отметка автоматического продления. Арчи задержал палец над клавишей. Правила позволяли остановить операцию только при технической ошибке. Ошибки не было.

Он подтвердил перевод и почувствовал, как внутри поднимается знакомая злость — не на конкретного человека, а на собственную беспомощность. Система была устроена так, что каждый отдельный шаг выглядел законным. Несправедливость складывалась из миллионов правильных нажатий.

Вечером, когда смена закончилась, Арчи направился домой. У выхода он прошёл мимо рекламного стенда, где улыбающаяся семья обещала: «Подарите близким больше времени». На плакате отец обнимал сына, а над их головами сиял зелёный баланс. Арчи невольно вспомнил старую фотографию и ускорил шаг.

По дороге он остановился возле большого экрана Центрального управления. На нём шла очередная реклама: «Время — ваша главная ценность. Доверьте его профессионалам». Голос диктора звучал мягко, почти заботливо. Он обещал безопасность, прозрачность сделок и защиту от потери накоплений.

Арчи уже хотел пройти мимо, но экран внезапно погас. Реклама исчезла, изображение стало чёрным. На несколько секунд возникла строка: «ОБЪЕКТ №17. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ». Ниже мигнуло ещё одно сообщение: «НАЙДЕН СОВПАДАЮЩИЙ ПЕРВИЧНЫЙ КОД».

Арчи остановился. Он оглянулся. Люди продолжали идти, не поднимая глаз. Кто-то говорил по телефону, кто-то проверял баланс, кто-то торопился к переходу. Казалось, никто ничего не заметил.

Строка исчезла, и реклама продолжилась с того же кадра. Арчи постоял ещё несколько секунд, пытаясь убедить себя, что увидел сбой. На станции случались ошибки отображения, но там всегда появлялся код неисправности. Здесь же система будто обратилась лично к нему.

Дома он долго смотрел на свой браслет. Никаких новых сообщений не было. Только обычный остаток времени. Он снял устройство, положил рядом с фотографией и впервые за долгое время почувствовал облегчение от тишины.

Он приготовил ужин, но почти не притронулся к еде. В памяти снова возникли слова «объект №17». В детстве он видел эту цифру на старой коробке, которую мать однажды поспешно убрала в шкаф. Тогда он спросил, что это значит, а она ответила: «Номер старой работы твоего отца». Больше они к этому не возвращались.

Арчи открыл ящик стола. Там лежал старый хронометр, который не работал уже много лет. Он достался ему вместе с фотографией и несколькими бумагами без подписей. На задней крышке была тонкая царапина в форме дуги. Арчи провёл по ней пальцем и вдруг вспомнил отрывок: отец наклонился над ним, застегнул ремешок и сказал, что некоторые часы нужны не для того, чтобы считать время.

Воспоминание оборвалось так же внезапно, как появилось. Арчи положил хронометр обратно. Он не любил искать ответы в прошлом: там всегда находилось больше вопросов, чем он мог вынести.

Уже собираясь лечь спать, он услышал короткий сигнал. Браслет, который он оставил на столе, засветился сам по себе. На экране появилось уведомление от Центрального банка: «Вам поступил перевод».

Арчи нахмурился. Он никого не просил переводить ему время. Обычно такие операции сопровождались именем отправителя, номером договора и подтверждением обеих сторон. Здесь не было ничего, кроме суммы.

Он открыл подробности. Сначала решил, что произошла ошибка. Потом перечитал цифры ещё раз: 347 лет, 8 месяцев, 12 дней. Такого остатка не могло быть у обычного человека. Даже верхние владельцы времени редко показывали больше двух столетий.

Отправитель не указан. Назначение платежа: «Возврат первичного носителя». В строке происхождения значился закрытый архив Центрального управления. Арчи почувствовал, как холодеют пальцы.

Он попытался закрыть уведомление, но экран не реагировал. Затем появилась новая строка: «Объект №17 активирован. Начать процедуру возврата?» Под ней мигали две кнопки — «ПОДТВЕРДИТЬ» и «ОТЛОЖИТЬ».

Арчи не нажимал ни одну. Он даже не касался браслета. Но цифры начали меняться, будто отсчёт уже запустился где-то за пределами его комнаты.

На старом хронометре щёлкнул механизм. Стрелка, которая годами стояла неподвижно, дрогнула и сделала один короткий шаг.

Арчи отступил от стола. На экране появилось последнее сообщение: «ЛИЧНОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА. ВОЗВРАТ НАЧАТ». Он понял, что это не подарок и не ошибка банка. Кто-то нашёл его. Или система наконец вспомнила, кого всё это время искала.

За окном продолжал шуметь город, равнодушный к чужим судьбам. А в комнате, где не было никого, кроме него, начался отсчёт, который уже нельзя было остановить обычным нажатием кнопки.

Глава 2. Внешнее кольцо

Арчи так и не нажал ни одну кнопку. До рассвета он не сомкнул глаз: обратный отсчёт продолжался на старом хронометре, хотя браслет уже погас. Когда в дверь постучали, на пороге стоял незнакомец. Он назвался Марком и показал жетон с тем же знаком, что был выгравирован на крышке часов. Марк сказал, что знает служебный выход из зоны наблюдения Центрального банка. Арчи не доверял ему, но оставаться в квартире и ждать, пока система придёт за ним, было опаснее. Он взял хронометр и последовал за незнакомцем. Лишь спустившись по узкой лестнице, Арчи понял, что покинул привычную часть города.

Лестница закончилась не дверью, а узким коридором, в котором пахло мокрым железом и старой изоляцией. Арчи вышел первым. Марк задержался на последней ступени, прислушиваясь к шуму сверху.

— Долго они будут идти за нами? — спросил Арчи.

— Пока считают, что мы ведём их к нужному месту, — ответил Марк. — Когда поймут, что ошиблись, ускорятся.

— А мы ошиблись?

— Это ещё предстоит выяснить.

Коридор выводил к грузовой платформе. Здесь не было привычных рекламных экранов и ярких табло с курсом времени. Только старые лампы под потолком, ржавые направляющие и несколько закрытых ворот. На стене сохранилась выцветшая надпись: «ВНЕШНЕЕ КОЛЬЦО. ДОСТУП ПО ДОПУСКУ». Ниже кто-то нацарапал короткую фразу: «Здесь часы не врут. Здесь врут люди».

Арчи провёл пальцами по буквам. Металл под краской был холодным.

— Что это за место?

— Раньше через него проходили грузы между секторами. Потом линию закрыли. Официально — из-за аварийного состояния. На деле здесь удобно было перевозить то, что не должно попадать в отчёты.

— Людей?

Марк не ответил сразу.

— Иногда.

Пока Марк осматривал платформу, Арчи заметил на стене старую схему эвакуации. Большая часть обозначений была стёрта, но красная линия внешнего кольца ещё читалась. Под слоем пыли сохранилась маленькая отметка: «служебный маршрут — без регистрации времени». Арчи провёл по ней пальцем. — Здесь даже стены помнят, как всё было устроено раньше, — сказал он. — Не стены, — отозвался Марк. — Люди, которые строили эти проходы. Они не хотели, чтобы каждый шаг становился собственностью управления. Арчи посмотрел на него внимательнее. — Ты говоришь так, будто сам помогал их строить. Марк не ответил. Он проверил браслет, хотя тот давно не показывал сеть, и прислушался к глухому шуму за стеной. Впервые Арчи подумал, что молчание Марка было не только способом скрывать сведения. Возможно, он боялся услышать собственные ответы.

У платформы стоял автомат выдачи воды. Его экран был разбит, но под корпусом ещё работал ручной кран. Марк наполнил две металлические кружки и протянул одну Арчи. — Пей. Дальше может не быть остановки. Вода отдавала железом. Арчи сделал несколько глотков и заметил на дальней стене ряд неглубоких царапин. Кто-то вырезал имена и даты — не даты рождения, а даты списания времени. Последняя запись обрывалась на середине фамилии. — Здесь были люди? — спросил он. — Здесь прятали тех, кого система объявляла должниками. Иногда их выводили через внешнее кольцо, иногда не успевали. — А ты? Марк поставил кружку на пол. — Я однажды получил приказ закрыть этот маршрут. — И закрыл? — Нет.

Но и открыть его всем тогда не смог. Ответ не оправдывал его и не объяснял прошлого. Арчи понял, что Марк оставляет ему не признание, а ещё один вопрос. И всё же впервые тот не попытался спрятаться за короткой фразой.

Из дальнего конца платформы донёсся глухой стук. Ворота медленно разошлись, открывая тёмный проём. За ним стоял состав из трёх коротких вагонов. На борту не было ни номера, ни эмблемы управления. Только белая полоса, проходившая вдоль металлического корпуса.

Арчи посмотрел на жетон в своей руке. Знак на нём совпадал с символом возле двери машиниста.

— Ты заранее знал, что поезд будет здесь.

— Я знал, что должен быть.

— Это разные вещи.

— В последнее время ты быстро учишься.

Марк подошёл к двери и приложил жетон к небольшому считывателю. Тот не загорелся. Он повторил попытку, затем перевернул жетон и приложил другой стороной. Внутри механизма что-то щёлкнуло. Дверь открылась.

Арчи не двинулся.

— Ты говорил, что это пропуск на грузовую ветку.

— Так и есть.

— А почему он сработал только со второй стороны?

Марк посмотрел на него.

— Потому что это старый пропуск. Его делали до того, как управление стало считать каждый шаг человека.

— До проекта «Нулевой час»?

— До того, как проект получил своё настоящее назначение.

Внутри вагона горел тусклый свет. Несколько рядов креплений, пустые сиденья и панель с механическими переключателями. На полу виднелись следы от тяжёлых контейнеров. Арчи вошёл, но остался у двери.

— Ты сказал, что мой отец не погиб. Откуда ты знаешь?

Марк снял перчатку и провёл ладонью по панели. На коже у основания большого пальца белел старый шрам.

— В день, когда исчезла твоя мать, твой отец вышел из исследовательского контура. Я видел запись.

— Значит, он жив.

— Запись подтверждает только то, что он вышел оттуда живым. Что было дальше, я не знаю.

— Почему ты не сказал это раньше?

— Потому что ты бы отправился искать его, не понимая, что именно ищешь. И потому что запись была не единственной.

Арчи почувствовал, как пальцы сами собой сжались вокруг жетона.

— Что ещё было?

— В журнале выхода стояло два имени. Твоего отца и человека, которого официально не существовало.

— Восемнадцатый объект?

Марк кивнул.

В вагоне стало тихо. Где-то под полом работал старый насос, и его неровный гул напоминал далёкое сердцебиение.

— Ты видел его? — спросил Арчи.

— Нет. Я видел только отметку. И подпись твоей матери.

— Она помогла ему сбежать?

— Или помогла ему остаться. Я не знаю.

Арчи отвернулся к окну. За мутным стеклом медленно проплывали стены тоннеля. Он пытался представить мать не по архивной записи, не по выцветшей фотографии, а живой — человеком, который принимал решения, ошибался, боялся и всё равно продолжал идти. Но каждый раз вместо лица возникала надпись: «Объект №17».

— Ты сказал, что был рядом, когда она умерла, — произнёс он. — Я хочу знать, что произошло.

Марк сел напротив.

— Я расскажу. Но не здесь.

— Почему?

— Потому что этот вагон записывает разговоры.

Арчи посмотрел на потолок. Между лампами находилась маленькая чёрная точка. Он не заметил её раньше.

— Тогда зачем ты привёл меня сюда?

— Потому что вагон записывает не всё. Только то, что система способна распознать.

— А если система услышит наши голоса?

— Она услышит двух людей, которые едут по закрытой ветке. Но не поймёт, о чём мы говорим, если мы не назовём имён и не произнесём ключевые слова.

Арчи усмехнулся без веселья.

— Значит, мы должны говорить загадками.

— Нет. Мы должны научиться отличать правду от того, что система считает правдой.

Марк включил питание. Вагон вздрогнул, и на панели вспыхнула одна зелёная лампа. Остальные индикаторы остались тёмными.

На экране появилось сообщение: «МАРШРУТ НЕ ЗАДАН. ВВЕДИТЕ КОНЕЧНУЮ ТОЧКУ».

Марк потянулся к переключателю, но Арчи перехватил его руку.

— Не вводи внешний узел.

— Кто тебе это сказал?

— Тот же, кто предупредил меня насчёт тебя.

— Тогда у нас проблема.

— Какая?

— Если отправитель знает маршрут, значит, он знает и то, что мы собираемся сделать. Если он хочет нас остановить, почему не сообщил управлению?

Арчи отпустил его руку.

— Может быть, он не на их стороне.

— Или хочет, чтобы мы поверили именно в это.

На панели мигнул новый символ. Не название станции, не код маршрута — число. Семнадцать.

Арчи наклонился ближе. Число исчезло, затем появилось снова. Под ним проступили две строки: «ПЕРВИЧНЫЙ НОСИТЕЛЬ ОБНАРУЖЕН» и «ОЖИДАНИЕ ВТОРОГО КЛЮЧА».

Марк побледнел.

— Что это значит? — спросил Арчи.

— Я не знаю.

— Ты опять говоришь неправду.

— На этот раз нет.

Из динамика раздался короткий треск. Затем женский голос, искажённый помехами, произнёс: «Если ты слышишь это, Арчи, не позволяй им открыть контур».

Он узнал голос не сразу. Сначала узнал паузу между словами — едва заметную, будто говорившая собиралась с силами перед каждой фразой. Потом узнал мягкое произношение его имени.

Мать.

Запись оборвалась. На экране осталась одна строка: «ВТОРОЙ КЛЮЧ — ЖИВОЙ».

Арчи медленно повернулся к Марку.

— Что такое второй ключ?

Марк не ответил. Он смотрел на закрытую дверь вагона.

Снаружи послышались шаги. Кто-то прошёл вдоль состава и остановился у самого окна. За мутным стеклом возник силуэт человека. Он не стучал и не пытался открыть дверь. Просто стоял, словно знал, что его уже заметили.

На браслете Арчи вспыхнул экран. Новое сообщение состояло из двух слов: «НЕ МАРК. Я».

Силуэт поднял руку и приложил ладонь к стеклу.

Марк тихо произнёс:

— Арчи, отойди от двери.

Но Арчи уже понял, что незнакомец смотрит не на него. Он смотрел на остановившийся хронометр у Арчи на запястье.

И впервые за всё время неподвижные стрелки дрогнули.

Глава 3. Неизвестный пассажир

Стрелки хронометра дрогнули ещё раз. На этот раз Арчи увидел движение отчётливо: короткий рывок, остановка, затем едва заметный поворот. Не вперёд и не назад — будто механизм проверял, имеет ли право снова идти.

Человек за стеклом убрал ладонь. Его лицо оставалось скрытым отражением ламп, но Арчи заметил на запястье такой же старый металлический корпус, как у Марка. Только циферблат был целым.

— Ты знаешь его? — спросил Арчи.

— Нет, — ответил Марк.

— Тогда почему ты испугался?

— Потому что он носит часы, которые должны были исчезнуть вместе с архивом.

Марк потянулся к панели и выключил внутренний свет. Вагон погрузился в полумрак. За окном силуэт не двинулся.

— Кто это? — повторил Арчи.

— Один из тех, кого не должно было остаться.

— Восемнадцатый объект?

— Не делай выводов раньше времени. Мы слишком мало знаем, а система слишком долго училась подсовывать людям нужные ответы.

Снаружи раздался один короткий удар. Не требование открыть дверь — скорее условный знак. Марк посмотрел на Арчи, ожидая решения.

Арчи приблизился к стеклу. Хронометр на его руке снова шевельнулся. Незнакомец поднял два пальца и указал сначала на часы, затем на собственную грудь.

— Он хочет, чтобы я вышел, — сказал Арчи.

— Или хочет, чтобы ты подумал именно так.

— Ты всегда так живёшь? Считаешь, что каждый жест — ловушка?

— После того, что случилось с твоей матерью, иначе я не умею.

Эти слова прозвучали слишком лично. Арчи повернулся к Марку, но тот уже отвёл взгляд.

— Ты обещал рассказать, что произошло в тот день.

— Я обещал рассказать правду. Это не одно и то же, что рассказать всё сразу.

— Для меня разницы нет.

— Есть. Если я назову тебе одно имя, ты можешь броситься искать этого человека. Если назову другое — решишь, что виноват я. А если расскажу о третьем, ты перестанешь понимать, кому вообще можно верить.

— Значит, ты всё-таки знаешь, кто был там.

Марк не ответил.

Арчи снова посмотрел на незнакомца. Тот медленно провёл пальцем по запотевшему стеклу. Появилась цифра восемь. Затем рядом — единица. Потом он перечеркнул их обе одной линией.

Арчи почувствовал, как холодеют пальцы.

— Восемнадцать, — прошептал он.

Незнакомец кивнул.

Марк шагнул между ними.

— Хватит. Отойди от окна.

— Ты сказал, что видел только запись выхода.

— Так и было.

— Тогда откуда он знает про восемнадцатого?

— Потому что он может быть тем, кто эту запись оставил.

Снаружи человек поднял руку и показал раскрытую ладонь. На ней лежал маленький предмет — прямоугольная пластина, похожая на металлическую карту Вольфа. Только на этой не было ни надписей, ни обозначений.

Панель вагона издала тихий сигнал. На экране возникла строка: «ВТОРОЙ КЛЮЧ ОБНАРУЖЕН. ПОДТВЕРДИТЬ ДОСТУП?»

Марк резко отключил питание. Экран погас, но строка ещё несколько секунд отражалась в стекле.

— Ты только что лишил нас единственного шанса узнать, что это за ключ, — сказал Арчи.

— Я не позволю открыть контур, пока не пойму, кто управляет этим приглашением.

— А если он и есть тот, кого мы ищем?

— Тогда он подождёт.

Незнакомец впервые постучал. Три раза, с одинаковыми промежутками. Потом приложил пластину к стеклу. Внутри вагона что-то ответило низким гулом.

Хронометр Арчи ожил. Секундная стрелка сделала полный круг и остановилась на отметке, которой на циферблате не было.

Вместо цифры под стеклом проступил тонкий знак: круг, перечёркнутый вертикальной линией.

Тот самый знак, что был выбит на жетоне Марка.

— Это не может быть совпадением, — сказал Арчи.

— Нет, — тихо ответил Марк. — Не может.

Вагон качнулся. Где-то впереди открылись ворота, и на панели вспыхнул маршрут, которого секунду назад не существовало. Название станции было стёрто, но под ним оставалась одна читаемая строка: «ПЕРВЫЙ ЦЕНТР. ДОПУСК ДЛЯ ОБЪЕКТА №17».

Арчи понял, что поезд всё это время ждал не команды Марка. Он ждал его.

За стеклом незнакомец отступил на шаг и впервые улыбнулся. Не радостно — скорее так, как улыбаются люди, которые слишком долго ждали неизбежного.

— Мы не поедем туда, — сказал Марк.

— Тогда почему маршрут открылся?

— Потому что кто-то использовал твой хронометр как ключ.

Арчи посмотрел на часы. Стрелка снова двинулась.

Впервые за много лет механизм отсчитывал не время, оставшееся ему, а время, которое кто-то пытался вернуть.

Дверь вагона, которую Марк считал запертой, бесшумно разошлась. Незнакомец вошёл внутрь и сел напротив Арчи. Марк не успел остановить его — или не решился.

Вагон качнуло на повороте. Незнакомец сидел неподвижно, положив руки на колени. На его пальцах остались светлые полосы от колец или датчиков, давно снятых с кожи. Арчи сел напротив, не выпуская хронометр из поля зрения. — Почему вы следите за моими часами? — Потому что они не должны были снова заработать, — ответил незнакомец. — Вы знаете, что это за механизм? — Знаю, что он был создан не для измерения времени. Он фиксировал разницу между тем, что человек отдаёт добровольно, и тем, что у него забирают. Арчи почувствовал, как холодеет ладонь. — Значит, мой перевод… — Не перевод. Возврат. Но система записала его как перевод, потому что другого слова в её реестре нет. Марк резко поднял голову. — Хватит. Незнакомец впервые посмотрел на него прямо. — Ты всё ещё думаешь, что молчание защищает мальчика? — Он не мальчик, — сказал Марк. — Для тебя, возможно. Для тех, кто создал проект, он до сих пор числится незавершённым результатом.

Незнакомец посмотрел на маршрут, уже закрепившийся на панели. — Первый центр официально закрыли, — сказал он. — То, что закрыто на бумаге, легче использовать без свидетелей. — Кто вы такой? Мужчина помедлил. — В старых списках меня нет. В новых я чис-

люсь пассажиром, которого никогда не было. Он назвал номер вагона и дату, но не имя. Арчи запомнил цифры: они совпадали с последовательностью, которая на мгновение появлялась на циферблате. Когда поезд вошёл в тоннель, незнакомец поднялся и перешёл к двери. — Не пытайтесь догнать меня, — сказал он. — Если мы встретимся снова, значит, вы дошли до места, где ложь перестаёт быть удобной.

И поезд тронулся.

Глава 4. Первый центр

Поезд набирал скорость без привычного гула. Казалось, его тянула не сила двигателя, а сама линия — старая, забытая, проложенная ещё до того, как Центральное управление научилось превращать каждую минуту в запись.

Арчи стоял у окна. За стеклом проплывали бетонные стены, редкие аварийные лампы и чёрные провалы боковых тоннелей. В отражении он видел Марка. Тот не садился и не пытался заговорить. После появления незнакомца между ними возникла дистанция, которую нельзя было измерить шагами.

— Ты знал, что поезд откроется сам? — спросил Арчи.

— Нет.

— Но знал, что он связан с моим хронометром.

— Подозревал.

— Ты слишком часто подозреваешь именно то, что потом оказывается правдой.

Марк провёл пальцем по шраму на ладони.

— Потому что я уже видел, как эта система работает. Только тогда у меня ещё была возможность думать, что я контролирую происходящее.

— А теперь?

— Теперь я пытаюсь не допустить, чтобы ты повторил мои ошибки.

Арчи отвернулся от окна.

— Ты всё время говоришь о моих ошибках, будто я уже совершил их. Но ты ни разу не сказал, что именно сделал сам.

Марк поднял глаза.

— Я открыл дверь, которую должен был оставить закрытой.

— Какую дверь?

— Контур проекта. В ночь запуска.

Слова повисли между ними. Арчи вспомнил запись матери: её спокойный голос, предупреждение не позволять открыть контур. Тогда он решил, что речь идёт о каком-то техническом механизме. Теперь смысл становился страшнее. Контур был не просто помещением или системой доступа. Это было место, где началась история его собственной жизни.

— Ты запустил эксперимент?

— Нет. Я дал ему продолжиться.

— Какая разница?

— Для тех, кто погиб, возможно, никакой.

Поезд замедлился. На стене вагона загорелась узкая полоса света. Под ней проявились символы, один за другим складываясь в надпись: «ПЕРВЫЙ ЦЕНТР. ДО ОСТАНОВКИ — 02:17».

Арчи посмотрел на свой хронометр. Стрелка двигалась ровно, но каждый её шаг сопровождался едва заметной вспышкой под стеклом. Цифры на браслете показывали прежний запас времени — триста сорок семь лет, восемь месяцев и двенадцать дней. Ни секунды не прибавилось и не исчезло.

— Почему время не меняется? — спросил он.

— Потому что это не обычный перевод.

— Я знаю. Мне уже говорили, что я первичный носитель.

— Это не одно и то же. Твой запас не лежит на счёте, как деньги. Он удерживает что-то в равновесии.

— Что именно?

Марк не успел ответить. Из динамика раздался женский голос. На этот раз помех почти не было.

— Арчи, если ты добрался до Первого центра, значит, они снова нашли путь к тебе.

Арчи застыл. Он узнал голос матери безошибочно.

— Мама?

Пауза длилась несколько секунд.

— Я не могу ответить тебе так, как ты хочешь. Не сейчас. Сначала ты должен понять, что именно тебе передали.

— Мне передали триста сорок семь лет.

— Нет, сын. Тебе передали возможность вернуть то, что у нас отняли.

Марк резко шагнул к панели.

— Не слушай запись. Она неполная.

— А ты, значит, полная версия? — бросил Арчи.

Голос продолжил, будто не замечая их спора:

— В Первом центре ты найдёшь журнал запуска. Не открывай последнюю запись, пока не увидишь обе подписи. Если увидишь только одну, значит, кто-то уже изменил архив.

— Какие подписи? — спросил Арчи, обращаясь к динамику.

Ответа не было. Вместо него прозвучал короткий сигнал, а затем голос произнёс ещё одну фразу:

— И не ищи меня по имени. Ищи по времени, которого у меня больше нет.

Связь оборвалась.

Марк медленно убрал руку от панели.

— Ты знал, что она может говорить со мной? — спросил Арчи.

— Я знал, что в системе сохранились её сообщения.

— Ты сказал, что она умерла.

— Я сказал, что был рядом, когда она исчезла из контура. Это не одно и то же.

Арчи хотел ударить его. Не из-за ответа — из-за того, как легко Марк снова спрятался за точностью слов. Но поезд уже остановился. Двери разошлись, впуская запах пыли, озона и холодного камня.

За ними находился зал, похожий на заброшенную станцию. Над платформой висели часы без стрелок. На стене темнела эмблема проекта «Нулевой час», а под ней — ряд из восемнадцати узких ниш. Семнадцать были открыты. Последняя оставалась запечатанной.

Арчи подошёл ближе. На каждой нише сохранилась табличка с номером. На семнадцатой было его имя. Не обозначение объекта, не код — полное имя, которое он не видел в официальных документах ни разу.

На восемнадцатой таблички не было. Только глубокая царапина, словно кто-то пытался стереть надпись ножом.

— Здесь хранили носителей? — спросил Арчи.

— Нет, — ответил Марк. — Здесь хранили их исходные записи. То, какими они были до запуска.

— А восемнадцатая?

Марк посмотрел на запечатанную нишу.

— Её не успели закрыть.

В дальнем конце зала щёлкнуло реле. Загорелся один экран. На нём появилась схема центра и две подписи, о которых говорила мать. Первая принадлежала доктору Самуэлю Вольфу. Вторая — матери Арчи.

Под ними мигала строка: «ТРЕТЬЯ ПОДПИСЬ ОТСУТСТВУЕТ».

— Значит, кто-то изменил архив, — произнёс Арчи.

Марк медленно кивнул.

— Или третий человек никогда не должен был существовать.

В этот момент из запечатанной восемнадцатой ниши раздался стук.

Один раз.

Потом второй.

И третий — точно такой же, каким незнакомец стучал в окно вагона.

На экране появилась новая строка: «ОБЪЕКТ №18 ОЖИДАЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ».

Арчи сделал шаг к нише.

— Не открывай, — сказал Марк.

— Почему?

— Потому что если там действительно человек, он уже слышит нас. И если он проснулся раньше времени, значит, кто-то запустил обратный отсчёт.

Арчи посмотрел на хронометр. Стрелка остановилась. Под стеклом проступили цифры, которых раньше не было: 18:00.

На экране центра начался отсчёт.

Не до запуска.

Первый центр встретил их не тишиной, а звуком вентиляции. Воздух двигался по старым каналам неровно: то усиливался, то почти исчезал. На стенах сохранились таблички с названиями отделов — «добровольный обмен», «медицинская оценка», «контроль согласия». Последнюю табличку кто-то перечеркнул чёрной краской.

Арчи остановился перед ней.

— Здесь действительно проверяли согласие?

— Сначала проверяли, — ответил Марк. — Потом проверка стала формальностью. Потом её убрали из отчётов. Так обычно и исчезают правила: не одним приказом, а множеством маленьких исключений.

В глубине коридора щёлкнуло реле. На потолке загорелась полоса аварийного света. За матовым стеклом одного кабинета мелькнула тень.

— Там кто-то есть, — прошептал Арчи.

Марк поднял руку, останавливая его.

— Не подходи к стеклу. Старые датчики могут принять тебя за сотрудника проекта.

— А если там человек?

— Тогда он сам решит, выходить ли к нам.

В кабинете сохранился терминал с механической клавиатурой. Арчи нажал несколько клавиш, и на экране возник список протоколов. Большинство строк было закрыто, но одна открылась без запроса пароля: «Проверка добровольного участия. Версия 0.7».

В документе говорилось, что человек должен иметь право отозвать согласие в любой момент, а передача времени не может затрагивать несовершеннолетних и людей, находящихся без сознания. Ниже шёл список поправок. Каждая следующая делала правило слабее: сначала разрешалось временное удержание баланса, затем — автоматическое продление, потом — использование «неподтверждённых резервов».

— Это и есть начало? — спросил Арчи.

— Одно из начал, — сказал Марк. — Никто не просыпается однажды злодеем. Сначала они убеждают себя, что исключение спасёт систему. Потом система начинает требовать исключений каждый день.

Арчи сохранил протокол на диск. Теперь у него было не только подозрение, но и документ, показывавший, как добровольный обмен превратился в механизм принуждения.

За стенами центра прокатился глухой удар. Обратный отсчёт уже шёл.

Глава 5. Обратный отсчёт

На экране оставалось семнадцать минут и пятьдесят девять секунд. Цифры уменьшались беззвучно, но Арчи слышал каждый переход — короткий щелчок внутри хронометра, будто кто-то отсчитывал секунды прямо у него под кожей.

— Что произойдёт, когда счётчик дойдёт до нуля? — спросил он.

Марк не отводил взгляда от запечатанной ниши.

— Первый центр закроется.

— Это я уже понял. Что значит «закроется»?

— Все входы и выходы будут уничтожены. Не заблокированы — физически отсечены. Центр построили так, чтобы после запуска его нельзя было покинуть обычным путём.

— А люди внутри?

— В официальной версии людей здесь нет.

Арчи посмотрел на восемнадцатую нишу. За металлом снова раздался стук. На этот раз не три удара, а один длинный, протяжный скрежет, словно кто-то провёл ногтями по внутренней стороне двери.

— Значит, там кто-то есть.

— Возможно.

— Ты видел журнал выхода. Ты знал, что мой отец покинул контур. Почему ты не сказал, что он мог остаться здесь?

Марк наконец повернулся к нему.

— Потому что я не знаю, вышел ли он из центра или только из той комнаты, которую система называла контуром. В ту ночь слова перестали означать то, что должны были.

— Ты снова прячешься за словами.

— А ты хочешь получить простую историю: виновный, жертва и человек, который всё исправит. Но здесь такой истории нет.

Арчи почувствовал злость — горячую, почти спасительную. Она помогала не думать о матери, о запечатанной нише и о том, что собственные часы, возможно, были не подарком, а частью чужого механизма.

На главном экране возникло новое сообщение: «ДОСТУП К ЖУРНАЛУ ЗАПУСКА. ТРЕБУЮТСЯ ДВА КЛЮЧА».

Первый ключ — объект №17.

Второй ключ — объект №18.

Под сообщением загорелись два пустых поля.

— Вот почему поезд ждал меня, — произнёс Арчи. — Я не пассажир. Я половина допуска.

— Да.

— А второй ключ за этой дверью.

— Похоже на то.

— Тогда откроем.

Марк схватил его за руку.

— Послушай меня. Если мы откроем нишу, центр получит оба ключа. И тогда журнал покажет не только то, что произошло в ночь запуска. Он восстановит сам эксперимент.

— Разве это плохо?

— Эксперимент не закончился, Арчи. Его остановили посередине.

Арчи медленно высвободил руку.

— Ты хочешь сказать, что всё это время он продолжался?

— Я хочу сказать, что мы не знаем, что именно остановили. Вольф называл это аварийным отключением. Твоя мать — эвакуацией. Твоему отцу удалось оставить только одну фразу: «Не дайте им завершить перенос».

— Перенос чего?

— Вот это и должен был объяснить журнал.

Словно услышав имя, экран мигнул. На нём появилась строка с подписью Самуэля Вольфа: «Если запись открыта объектом №17, значит, носитель достиг возраста самостоятельного выбора. Не сообщайте ему назначение второго ключа до предъявления обеих подписей».

Арчи перечитал фразу.

— Возраста самостоятельного выбора? Мне двадцать семь.

— Речь не о возрасте тела.

— Тогда о чём?

Марк указал на хронометр.

— О том, сколько времени в тебе принадлежит тебе самому.

Восемнадцатая ниша ответила тихим гулом. По её краям пробежала тонкая голубая линия. На металле проступили буквы, будто надпись находилась под несколькими слоями краски: «НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ВОЗВРАТА ИМЕНИ».

Арчи коснулся таблички. Металл оказался тёплым.

— Чьего имени?

Вместо ответа из динамиков донёсся голос Вольфа. Он звучал старше, чем в архивной записи, и говорил медленно, с усилием:

— Арчи, если ты слышишь меня, значит, я не смог добраться до центра раньше тебя. Прости. Я должен был рассказать всё ещё тогда, когда у нас был выбор.

Марк резко поднял голову.

— Эта запись не должна существовать.

— Ты тоже её слышишь? — спросил Арчи.

— Да. И это значит, что Вольф оставил здесь не просто сообщение.

Голос продолжал:

— Проект «Нулевой час» создавался не для продления жизни. По крайней мере, не в том смысле, в каком это поняли люди. Мы хотели освободить время от собственности. Человек мог передать другому часть своего срока добровольно — не продавая годы и не отдавая их государству. Мы ошиблись в одном: решили, что время можно отделить от человека, не затронув его самого.

На экране вспыхнула схема. Два силуэта соединялись тонкой линией. Между ними двигались световые импульсы. Затем один силуэт исчез, а второй остался неподвижным.

— Это не перевод, — прошептал Арчи.

— Нет, — ответил Марк. — Это перенос.

Вольф словно услышал его:

— Когда управление захватило проект, добровольный обмен превратили в изъятие. Но они обнаружили побочный эффект: при определённых условиях вместе со временем можно было перенести память, реакции и фрагменты личности. Мы пытались уничтожить результаты. Твоя мать предложила другой путь — разделить ключи и сделать так, чтобы ни один человек не мог завершить процедуру в одиночку.

Арчи почувствовал, как холодеют пальцы.

— Поэтому я объект семнадцать.

— Ты был первым ребёнком, чьё время не изымали и не передавали. Тебя использовали как независимую точку отсчёта. Твоя мать хотела доказать, что жизнь не обязана быть чьей-то собственностью. Она оставила тебе не запас лет. Она оставила право остановить систему.

— А восемнадцатый?

Запись замолчала. На экране появилась вторая часть сообщения, но буквы расплывались, словно архив не мог удержать изображение.

— Объект №18, — произнёс Вольф, — был первым успешным переносом. Не времени. Человека.

Марк закрыл глаза.

Арчи посмотрел на него.

— Кто это?

— Я не знаю, кем он стал, — ответил Марк. — Но знаю, кем был.

— Скажи.

Марк сглотнул.

— Твоим отцом.

Александр проходил в документах как объект №18: это был первый успешный перенос взрослого человека. Мальчик из капсулы — другой участник раннего этапа проекта, первый сохранённый носитель памяти. Алекс, которого Арчи встретит позднее, — хранитель контура. Три роли не совпадают, и система намеренно смешивала их обозначения.

Тишина оказалась громче любого сигнала. Арчи отступил на шаг. Он вспомнил слова Марка о двух именах в журнале выхода, о человеке, которого официально не существовало. Вспомнил, что отец искал восемнадцатый объект. Теперь всё складывалось — и от этого становилось только страшнее.

— Ты говорил, что отец вышел живым.

— Его тело вышло из исследовательского контура. Но я не знаю, что именно вышло вместе с ним.

— А человек за дверью?

— Может быть, он и есть твой отец. А может быть, только то, что от него осталось после переноса.

Восемнадцатая ниша издала щелчок. На экране появилось новое требование: «ПРЕДЪЯВИТЕ ИМЯ ДЛЯ ВОЗВРАТА».

Арчи понял, что речь не о пароле. Центр требовал назвать человека, которого собирался вернуть.

Он подошёл к нише и положил ладонь на металл.

— Я не знаю, кто там, — сказал он. — Но если это мой отец, я хочу услышать его самого.

Марк шагнул к нему, но остановился.

— Тогда не называй его имя. Пусть он назовёт своё.

Арчи повернулся к экрану.

— Открыть только голосовой канал. Без запуска переноса.

Система ответила: «КОМАНДА НЕ РАСПОЗНАНА».

— Попробуй ещё раз, — сказал Марк. — Сформулируй не как приказ системе, а как условие допуска.

Арчи посмотрел на две подписи под журналом. Вольф. Мать. Третьей не хватало. Он вдруг понял, что подписью могло быть не имя учёного и не код объекта. Возможно, система ждала согласия того, кто находился за дверью.

— Я не даю согласия на перенос, — произнёс Арчи. — Я разрешаю только разговор. Второй ключ остаётся у того, кому принадлежит.

На экране мигнуло: «УСЛОВИЕ ПРИНЯТО».

Гул стих. Голубая линия погасла, а в центре двери открылось маленькое круглое отверстие. Из него донёсся вдох — человеческий, хриплый, слишком близкий.

Затем голос произнёс:

— Арчи?

Он не помнил этого голоса. Но почему-то сразу понял, что ждал его всю жизнь.

— Кто вы?

Пауза.

— Я не уверен, что ещё имею право называться твоим отцом.

Счётчик на экране показывал двенадцать минут и четыре секунды.

Арчи закрыл глаза. Он хотел спросить сразу обо всём: о матери, о семнадцати исчезнувших людях, о том, что перенесли вместе с отцом. Но начал с единственного вопроса, на который нельзя было ответить архивной записью.

— Вы помните меня?

За дверью послышался тихий плач. Не громкий, не театральный — короткий звук человека, который слишком долго запрещал себе надеяться.

— Я помню, как держал тебя на руках, — ответил голос. — И помню, что обещал твоей матери: если однажды ты придёшь сюда, я не стану просить тебя спасать меня.

— Тогда чего вы хотите?

— Чтобы ты узнал правду до того, как решишь, что с ней делать.

Дверь осталась закрытой. Но на экране впервые появилась не команда и не предупреждение, а имя: «АЛЕКСАНДР».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.